

«...— Мать-земля, почему не падают горы, почему не разливаются озера, когда погибают такие люди, как Суванкул и Касым? Оба они — отец и сын — были великими хлеборобами... Если бы не война, сколько бы людей одарили они плодами своего труда, сколько бы еще полей засеяли, сколько еще зерна намолотили бы. И сами, сторицю вознагражденные трудами других, сколько еще радостей жизни увидели бы! Скажи мне, мать-земля, скажи правду: могут ли люди жить без войны?»

Эти слова старой Толгонай из спектакля «Материнское поле» слушают в наушниках зрители, которые не знают казахского языка. На их лицах — выражение сильного, глубокого волнения, они все во власти вдохновенного, страстного голоса, проникающего в самую душу. Художественный перевод на русский язык ведет директор Казахского государственного театра драмы актриска Кульш Сарсенбаева.

Я не оговорился, назвав перевод пьесы художественным. Зритель поймет сложность и высокое мастерство перевод-

чицы, если я скажу, что текст Кульш читает с подстрочником, то есть с перевода, механически воспроизводящего казахский оригинал. Трудность здесь заключается в том, чтобы достичь до русского (и не только русского!) слушателя глубину и поэтическую сущность того или иного образа, передать режиссерский замысел и художественные достоинства литературной основы спектакля.

Тот, кто бывал на спектаклях наших гостей из Алма-Аты, несомненно, испытает на себе очарование melodичного, живого и трепетного голоса Кульш. Она не просто воспроизводит текст — она играет сразу за всех героев, поражая зрителя разнообразием тональных оттенков и удивительной синхронностью русского текста с казахским. Иному такая легкость кажется естественной, но за всем этим стоит большая и напряженная работа актрисы, которая «вживается» в каждую — я подчеркиваю — в каждую роль с первых репетиций до премьеры спектакля. Кульш старается найти такие формы подачи текста, чтобы зрители, во-первых, глубоко

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

Мастер вдохновенного перевода

почувствовали национальный колорит пьесы и, во-вторых, увидели в героях черты современника, нечто родственное себе, интернациональное. И это ей блестяще удается.

А мастерство пришло не сразу. В 1961 году Кульш Сарсенбаева закончила театральное отделение при Алматинской консерватории (ныне — Казахский государственный институт искусств им. Курмангазы) и была принята в труппу Казахского театра драмы. Молодой актрисе, естественно, приходилось играть поначалу незначительные, эпизодические роли. Она уезжает в Петропавловск и работает там режиссером студии телевидения. Но любовь к театру взяла верх. Через два года Кульш снова в театре драмы, но теперь уже в роли «самой главной актрисы» — переводчицы. В этой добродушной шутке большая доля серьезной правды: Кульш пришлось идти по непроторенному пути, ведь в Союзе тогда почти не было национальных театров, где бы применялся синхронный перевод на русский язык. Были у нее и противники, ратующие за бесстра-

стный, механический перевод текста. Блестящий, артистический перевод казахских пьес на гастролях театра в Москве, похвальные отзывы замечательных русских артистов принесли К. Сарсенбаевой настоящую творческую радость: значит, не напрасно она «возвала»!

Кульш, как актриса, разумеется, не оставляет мечты вернуться на сцену. Но сейчас в ней очень нуждается театр, и она старается взять от своей работы все, что поможет ей в будущем. Пусть ее не видят сейчас зрители, пусть не выходит она на авансцену вместе с коллегами принимать цветы и горячие аплодисменты, — свое счастье и творческое удовлетворение Кульш видит во взволнованных лицах, в слезах благодарности, в улыбках, которые светятся на лицах русского и украинца, белоруса и немца, узбека и латыша.

Новых творческих удач, вам, дорогая Кульш!

Ю. ПЛОТНИКОВ.